

АВТОГРАФ

ИДЕЯ БИСК - АРТ

№1(11) 2001

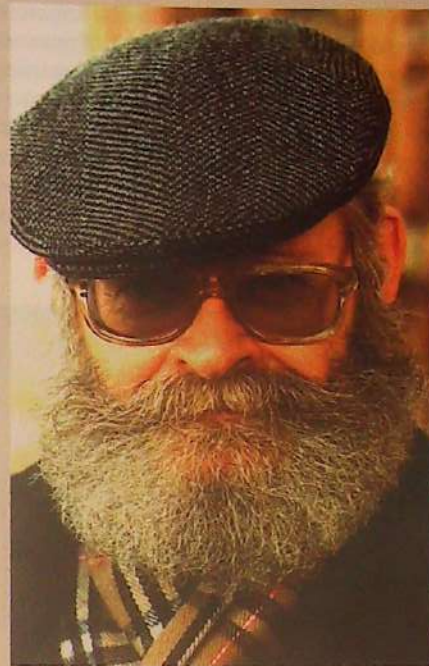


ЛАБИРИНТ для ХУДОЖНИКА



Пасифая и Бык. 1980-е гг. Тушь, перо

* «Там, где мы ожидаем найти чудовище, мы обнаруживаем Бога; там, где собираемся убить другого, — приносим в жертву свое собственное эго; там, где надеемся выйти на поверхность (к внешнему миру), — мы достигаем центра собственного существования; там, где рассчитываем оказаться одни, — оказываемся наедине со всем миром», — расшифровывает Надя Жюльен символику блуждания в лабиринте.



Веселые были мифические ребята из Греции: что герои, что цари. Да и боги мало им уступали. Зачем было, спрашивается, пеннокудрявому Посейдону интриговать — подсылать быка к светящейся Пасифае? Воспылала бедная аномальной страстью к животворящему животному, испортила пейзажи прекрасного Крита монстром Минотавром... И почему-то именно сын того же Посейдона это чудовище призван был убирать! Другая странность: супруг Пасифаи Минос был, помнится, чадом самого Зевса. Однако на свет он появился в результате еще более крутых перипетий. Мама его, Европа, оседлала красивого белого быка (заметим в скобках — снова быка, хоть и ручного) и, не ведая, что творит и с кем — это мы теперь знаем, что с Зевсом! — переплыла на нем море. Вскоре и разродилась Миносом. Тот созревает до могущественного царя, женится на Пасифае, рождает дочек — Ариадну с Федрой, но зачем-то велит построить лабиринт* для бастарда Минотавра (в переводе — бык Миноса), которому шлет на съедение афинских дев и юношей. Хорошо, Тезей-освободитель был не за горами: человекобычка убил (натренировавшись на быке марафонском), а из его логова выбрался благодаря льняному клубку Ариадны. Но и у них ничего правильного не получилось. Тезей на влюбленной Ариадне не женился, хотя и обещал. Дионис, правда, это дело исправил. Но Федра, все же залезшая в Тезееву родню, там очень наследила. Так что никакой справедливости — ни у богов, ни у царей!

Эти сюжеты полюбила вся Европа. Тициан и Тинторетто, Веронезе и Рембрандт, Корнель и Шекспир, Гендель и Гайдн. А в нашем трудном городе их всю жизнь рисует чудесный художник, сам как будто только из мифа, — Сергей Черкашин. Это его знаковые лейттемы. В разных техниках и материалах, в разные времена жизни по-разному рождается эта графика. Художник желает проникнуть за грань вечных образов, постичь вневременные законы развития человеческого духа. Он испытывает себя

ной карандаш, шариковая ручка... Лик поэта во множестве модуляций, где он соразмерен то Богу, то лишь себе самому. Когда Черкашин говорит о художниках как о людях от Господа, запрограммированных обломками собственного быта на делание поп-арта, это переключается с вековой дилеммой: творчество или жизнь. Существование или высокая мистерия. И тут неважно — аттический это миф, пушкинская или наша с вами текущая трагедия.

Ах, как не терпится увидеть греческие сказки в большом черкашинском полотне! На стенах какого-то палаццо, городского или казенного дома в стиле хоть бы и местного модерна! Как это было в прекрасные времена моды на «Уральские пельмени»: мы водили туда на квас с хреном и медвежатину только самых избранных приезжих гостей. Хвастались «Радостью жизни» — росписью, придуманной пламенным Константином Фокиным. Черкашин там подвизался на антураже — траву да деревья передавал. С филармонией получилось наоборот: росписи плафонов концертного зала и фойе выполнялись по черкашинским эскизам — им самим при участии Фокина. Какие-то прямо близнецы-братья, покруче Вайнеров-Гонкуров! Город ведь не знает своих героев. Начни мы перечислять черкашинские достижения в монументальной живописи, все ахнут. Странного нет, затем он и оканчивал Санкт-Петербургскую промышленно-художественную академию барона Штиглица (тогда — ЛВХПУ им. Мухиной) как художник по проектированию интерьера. Ему равно доступны и малые формы архитектуры, и мемориальная пластика, и дизайн (его нелюбимое слово) — что квартир, что заводов. Давеча придумал термин «арт-буфет», и создает их: «Яблоко» в Челябинске (нынешний «С.-Пб»), «Жили-были» в Копейске... Такой вот художник-многогостаночник.

Помните универсалистов Возрождения? Если бы даже критики А и Б не велели нам впадать в пафос, тревожить моль и т. д., мы бы не преминули усмотреть некоторые параллели. Даром что Челябинск не Италия!

Станковая живопись Черкашина живет и в нашей картинной галерее, и в галереях областных городов, и в частных коллекциях — отечественных и за-

рубежных. Изумительное полотно, исполненное мощного напряжения сакральной символики, «Христос Воскресе» (Москва, Манеж, Всероссийская художественная выставка, 1999 год), заставило благоговеть москвичей. Престижный каталог галереи «Автограф» представляет три работы — «Пасифая», «В подражание Сальвадору Дали» и «Кувшин», а книга «Духовной жаждою томим» несет на обложке и переплете пушкинский лик из черкашинской мастерской. Так его любит наш северный сосед Екатеринбург.

А любовь эта старая. В начале 70-х, будучи студентом художественного училища, Сергей сподоблен был с ч а с т ь я



Лабиринт. 1995 г. Бумага тонированная, белая тушь

как мастера и как личность на пути знания, бесконечного рождения, самопостигания.

Черкашина и вообще привлекает тема сокровенного — таинства, посвящения. Об этом — его излюбленные мотивы Вести и Рождества. Бесконечная галерея образных модификаций Матери и Ребенка, часто как бы укутанных в единый энергетический кокон, богоспасаемых, и Вестника — всегда в полете и благословляющего.

В недрах черкашинской голубятни-мастерской таится несчетное число папок с его уникальной Пушкинианой. Есть тут чему удивиться, восхититься. Перо, графит, цвет-

(прости нас, художник, за интерпретацию тех событий!) работать в мастерской самого Геннадия Мосина, от чьих картин даже мы, зеленые музыканты, сходили с ума. Мастер и ученик неспешно творили свои нетленки, споря при этом о книге Мишеля Рагона «Города будущего». Приходил мэтр Михаил Брусиловский, раскочивался на перекладине, соскакивал, что-то жарко советовал, приглядываясь к полотну студиозиса...

Сергей Леонидович называет своих друзей-коллег:

ность Черкашина особого свойства. Он прекрасно осознает, что наполняет определенные духовные субстанции. Что причастен к расширению сознания сограждан. Только не выстраивает больших пирамид. Не отделяет для себя место в вечности. Эмпирик, интуитивист, он живет в п е ч а т л е н и е м. Ставит холст на мольберт, когда есть что сказать. А утром, вместо зарядки, бежит в мастерскую, и — одним махом пять-шесть рисовальных листов!

А еще — председательствует в Союзе художников. А еще — гобелены, панно сотворяет вместе с супругой, мастером ткачества. Экстерьер-интерьер города нашего украшает...

— Из какого рода, батюшка, будете?

— Сибиряк по родословной. Из инородцев, князей кавказских, ссыльных — за бунт против царя-императора.

— За что ж стояли предки-то?

— Да 200 гектар земли за ними числилось, бор да кожевенный завод, стадо, лошадей без счета, да пасека, да дома свои на реке Каче, да лавки, что возле нынешнего музея в Красноярске...

— Бояре, купцы, слышать, многие с вами в родстве состояли?

— Да мало ли кого в крови сибиряка найдешь!

А дух — сила, воляница, жертва для идеалов!

Вот какие диалоги могут случаться с теми, кто вселяет красоту в население. А ежели поменять стиль — с теми, кто работает на мировой дух, созидая оплот российского менталитета. Отдавая жизнь на процветание страны. Облагораживая нравственные позиции общества.

...Скульптурная арханка: руины античного портика с фонтаном; атланты, поддерживающие карнизы; обломки колонн; архитравы; вазы с сюжетной росписью; статуи девяти муз... — керамика в разной обработке. «Зимний сад» профилактория метзавода. Декор росписи дорийских колонн плавно переходит в живой плющ, стелющийся по всем жилам помещения...

Если вам доведется побывать в Златоусте, сходите — полюбуитесь сей греческой реминисценцией.

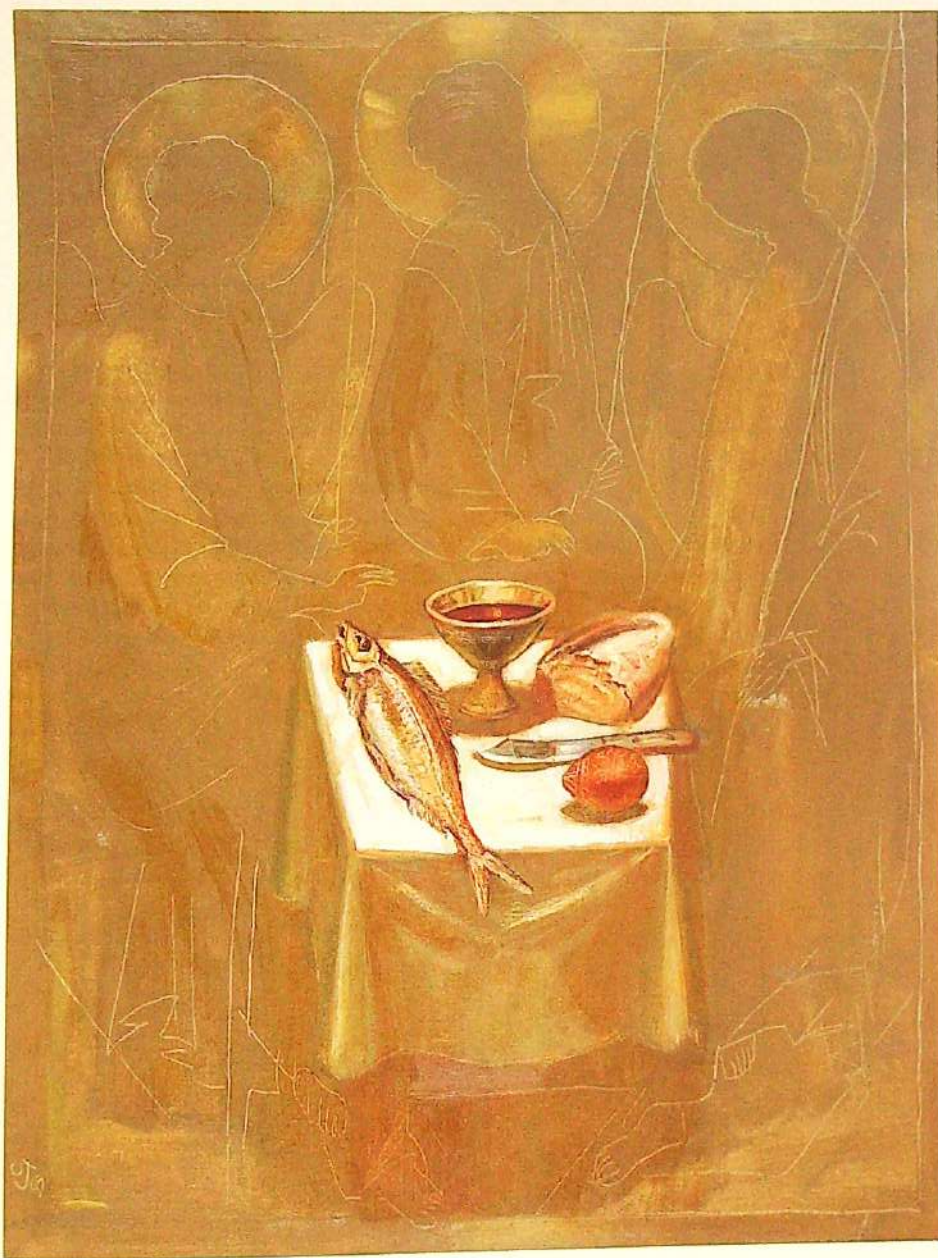
Ваяли ее А. Кудрявцев с С. Черкашиным (наш художник очень ценит творческие содружества). Герои и цари пантеона российской провинции порой не уступают греческим. Да и от богов мало чем отличаются. Вот только подбрее, пожалуй, будут.

Что и помогает им оставлять свои лабиринты позади.

Наталья РУБИНСКАЯ

Октябрь, 2000

Фоторепродукции Вячеслава Митюхина
Фотопортрет Александра Чуносова



Христос Воскресе. 1995 г. Холст, масло

Кудрявцев, Фокин, Аникин, Ходаев, Качалов... Мосин, Брусиловский, Антонов, Волович, Казанцев... «Без них не было бы на Урале искусства, всего художественного процесса, вписанного в историю, — считает художник, — а останемся ли мы — судить будущим поколениям».

Что ж, художник, скромность твоя похвальна. Да и то: вас у нас меньше, чем героев Советского Союза. На четыре миллиона народу в области — 100 да восемь человек. А область небольшая, равна территории четырех Франций! Однако ж в Париже, по слухам, их четырнадцать тысяч — тех, кто заявил себя художником!.. Скром-